

<СТУДЕНЧЕСКАЯ ДЕПУТАЦИЯ У НЕКРАСОВА>

Это был последний год моего пребывания в Петербургском университете¹. С этим последним временем студенческой жизни в Петербурге у меня связаны воспоминания о демонстрации на Казанской площади, с речью Плеханова, с поднятым на руки крестьянским мальчиком в полушубке, державшим в руках красное знамя с надписью "Земля и воля". Помню последовавшее затем жестокое избивание демонстрантов дворниками и извозчиками, кричавшими, что это "поляки бунтуют"...²

Обо всем этом говорю, чтобы напомнить, какое это тревожное было время. Реакция свирепствовала. Студенчество волновалось. И в таком настроении весть о тяжелой болезни любимого поэта не могла не найти отзвука в студенческих сердцах.

Тогда уже, если не ошибаюсь, ходило по рукам стихотворение Некрасова, которое я, при всей своей плохой памяти, запомнил с того времени, кроме одного стиха:

Смолкли честные, доблестно павшие,
Смолкли их голоса одинокие,
За несчастный народ вопиявшие.
Разгулялися страсти жестокие.
Вихри злобы и бешенства носятся
Над тобою, страна безответная,
Все живое, все честное косится,
Слышно только, о ночь безрассветная,
Среди мрака, тобою разлитого,
Как враги, торжествуя, скликаются.
Так на труп великана убитого
Кровожадные птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются³.

Вот в это мрачное время пришлось мне прочитать стихотворение Некрасова, в котором он, ожидая смерти, говорил: "Ничьего не прошу сожаленья, да и некому будет жалеть"⁴.

Под впечатлением этих стихов и тяжелой болезни Некрасова у меня сложился адрес ему от студенчества.

Под адресом этим я стал собирать подписи студентов в университете и решил воспользоваться с тою же целью студенческим вечером медичек в зале Кононова.

Там я читал адрес и собирал подписи⁵.

На том же вечере студенты поймали какого-то шпики и собирались его поколотить. Распорядители, в числе которых был и я, во избежание избивания шпики, которое могло окончиться очень печально для женских медицинских курсов, спрятали его под прилавок буфета, а потом выпроводили⁶.

Подписанный адрес понесли от университета я, еще один студент, фамилию которого не помню, и студент-медик Дехтерев, впоследствии психиатр, ныне уже умерший.

Пришли мы на квартиру Некрасова, на Литейном, днем. Нас ввели, через зал, в большую комнату, если не ошибаюсь, кабинет Некрасова. Там, у стены, не помню, на кровати, или кушетке, под голубым шелковым одеялом лежал Николай Алексеевич, бледный, изможденный.

Так, полулежа, он нас и принял.

Я очень волновался, и адрес прочел Дехтерев.

Вот этот адрес:

"Прочли мы твои "Последние песни", дорогой наш, любимый Николай Алексеевич, и защемило у нас сердце: тяжело было читать про твои страдания, неумогу услышать твое сомнение: "Да и некому будет жалеть". Себялюбив, правда, тот род, которому ты лирой своей не стяжал блеска, и не он тебя пожалеет. Темен народ наш и не скоро еще узнает тебя. Но зачем же забыл ты нас, учащуюся русскую молодежь? Много, правда, темных сторон найдешь ты в нас, но несем мы в сердцах могучую, святую любовь к народу, ту любовь, что уж многим стоила свободы и жизни.

Мы пожалеем тебя, любимый наш, дорогой певец народа, певец его горя и страданий; мы пожалеем того, кто зажигал в нас эту могучую любовь к народу и воспламенял ненавистью к его притеснителям.

Из уст в уста передавая дорогие нам имена, не забудем мы и твоего имени и вручим его исцеленному и прозревшему народу, чтобы знал он и того, чьих много добрых семян упало на почву народного счастья.

Знай же, что ты не одинок, что взлелеет и взрастит семена эти всей душой тебя любящая учащаяся молодежь русская".

В ответ, слабым голосом, слегка нараспев, растягивая стих, прочел нам Николай Алексеевич свое стихотворение:

Вам, мой дар ценившим и любившим,
Вам, остаток чувства сохранившим
В черный год, простертый надо мной,
Посвящаю Труд последний мой.
Я завету Русского народа
Верен: а и в горе жить,
Не кручинну быть,
И больной работаю полгода.
Я с трудом смягчаю свой недуг,
Ты не будешь строг, читатель-друг...⁷

Прочитав, он подарил нам на память это стихотворение, написанное им на большом листе бумаги.

Дальнейший разговор не сохранился у меня в памяти⁸.

Насколько помню, мы не сиделись. Во время чтения адреса и стихотворения у камина стояла молодая женщина, очень печальная. Вероятно, это была "Зина" его стихотворений.

Мы опасались, что наше присутствие беспокоит больного, и, получив стихотворение, простились и ушли.

Подаренное Николаем Алексеевичем стихотворение было вывешено в студенческой библиотеке университета и, как мне передавали впоследствии, при закрытии библиотеки было отобрано полицией.

Примечания

Александр Генрихович Штанге (1854--1932) - активный участник студенческого движения 70--80-х годов, один из пионеров кооперативного движения в России, организатор Павловской артели металлистов, а затем видный деятель советской промкооперации.

А. Г. Штанге был в составе студенческой делегации, которая посетила больного Некрасова в начале февраля 1877 года. Воспоминания были написаны А. Г. Штанге в январе 1918 года по просьбе В. Е. Евгеньева-Максимова.

Печатается по тексту журнала "Книга и революция", 1921, No 2, стр. 54--55. Публикация В. Е. Евгеньева-Максимова.

¹ Стр. 449. А. Г. Штанге был студентом физико-математического факультета.

² Стр. 449. 6 декабря 1876 г. на площади у Казанского собора состоялась политическая демонстрация, организованная народниками-землевольцами и членами рабочих кружков, на которой с речью выступал Г. В Плеханов. Демонстрация была разогнана полицией, которой оказывали содействие сидельцы мелочных лавок, дворники и др.

³ Стр. 450. Неточно воспроизведенное стихотворение 70-х годов. По мнению И. Власова и С. Макашина, оно посвящено разгрому Парижской коммуны в 1871 г. (*ЛН*, т. 49--50, 412--422). Но, судя по воспоминаниям А. Г. Штанге и других семидесятников, оно воспринималось современниками как реакция на русскую действительность.

⁴ Стр. 450. Слова из стихотворения "Скоро стану добычею тленья..." (1876).

⁵ Стр. 450. Штанге ошибается. Сбор подписей проходил на вечере медичек в Клубе художников 3 февраля 1877 г. (см. Е. А. Гитлин, Адрес Н. А. Некрасову революционного студенчества в 1877 году. - *Некрасовский сборник*, III, стр. 288). Присутствовавший на вечере П. В. Засодимский писал А. И. Эртелю 6 февраля 1877 г.: "Народу набралось густо - до 3000 человек. Составили сочувственный адрес Некрасову от учащейся молодежи; в течение двух часов набралось до 800 подписей" (*ГБЛ*, ф. 349, папка 10, ед. хр. 22). По агентурным донесениям, адрес читался Д. П. Сильчевским. См. стр. 263.

⁶ Стр. 450. Этот факт подтверждается также и в агентурном донесении. См. *Некрасовский сборник*, III, стр. 295.

⁷ Стр. 451. Это стихотворение Некрасов предполагал напечатать как посвящение к книге "В черные дни", вместо которой издал книгу "Последние песни", но куда это посвящение не вошло. Стихи 5--7 у Некрасова читаются так:

Я примеру русского народа
Верен: *"в горе жить --
Некручинну быть"*... (II, 410)

⁸ Стр. 451. Г. З. Елисеев, очевидец этой встречи студентов с Некрасовым, писал во "Внутреннем обозрении", вырезанном цензурой: "Когда, по просьбе одного из этих депутатов, я пришел предупредить покойного, что к нему через час явятся три депутата от студентов с заявлением сочувствия к нему и общей скорби студентов о его болезни, он, видимо, очень обрадовался. "Мне очень это приятно, - сказал он мне, - но я боюсь, чтобы это не было как-нибудь дурно истолковано для них, чтобы не вышло чего... Да и, ах, боже мой! Чем я их отблагодарю. Я бы хотел что-нибудь написать им. Но теперь решительно не в состоянии, а готового ничего нет. Вот разве это дать им? - сказал он, вынимая из находившихся перед ним бумаг написанное вчерне предисловие к "Последним песням". - Предисловие обращено к читателю, но все равно, оно и к ним относится. Как вы думаете: будут они довольны?" - обратился он ко мне. Я успокоил его, сказав, что студенты желают одного только, чтобы он их принял, чтобы они могли высказать ему свои чувства, а затем они будут довольны всем, что он ни даст им на память {Это то самое предисловие, которое теперь вывешено в студенческой библиотеке петербургского университета и которое недавно было напечатано в "Петербургских ведомостях" и других газетах. (*Прим. Г. З. Елисеева.*)}. Через несколько времени после этого пришли студенты. Покойный, хотя и мог тогда еще ходить по комнате - это было, помнится, в феврале прошедшего года, - но только не подолгу, по несколько минут каждый раз, сидеть также не мог и вообще не мог принимать иначе, как лежа, покрывшись одеялом, потому что был

в одной рубашке. Так принял он и студентов. Во время прихода студентов никого из посторонних посетителей не случилось; единственным посторонним посетителем был я. Приблизившись к постели Некрасова, один из студентов объяснил цель прихода. Другой прочел краткую, заранее приготовленную и очень умно составленную речь, покрытую подписями студентов, в которой выяснялось значение поэзии Некрасова для России и молодого поколения. Третий сделал более пространный, устный комментарий к прочитанной речи, который дышал задушевной привязанностью к поэту. Поэт был так тронут и взволнован, что обе речи слушал со слезами <...>" ("Некрасов. К 50-летию со дня смерти", Л. 1928, стр. 707).